

Ольга Бараш
ПОЭТ И ЛИТЕРАТУРА
(О СЕРГЕЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОМ)

В самом первом номере Toronto Slavic Quarterly (Summer 2002), в рубрике The Fiction and Poetry of Scholars, были опубликованы стихи Сергея Преображенского, предваренные краткой автобиографической справкой. Автор не привык публично говорить о себе: если у него и брали интервью, то «о судьбах русского языка»¹, так как был он не только поэтом, но и известным лингвистом. Был – потому что 20 июня 2017 года Сергей Преображенский ушел из жизни, и вышеупомянутая справка осталась единственным его свидетельством о себе. Хотя она крайне лапидарна и перенасыщена самоиронией, в ней сказано главное: «Стихи я начал писать давно, задолго до занятий лингвистикой, и именно в этом качестве считаю себя человеком не случайным»².

Тем не менее, открыв любую поисковую страницу интернета, по запросу «Сергей Преображенский» мы найдем прежде всего ссылки на научные статьи, программы филологических конференций с его участием либо книгу «Системный взгляд как основа филологической мысли», коллективную монографию, где ему принадлежит глава «Системный анализ стиха». Затем – стихи и прозу многочисленных соименников и однофамильцев. И наконец редкие упоминания о нем как о поэте и подборку его стихов «Все, чем натура пугала». А в последний месяц невеселое разнообразие в картину внесли некрологи и отклики на смерть поэта в социальных сетях.

«Родом он был от Державина и Тютчева, Мандельштама, Ходасевича и Заболоцкого. Он знал, как правильно создается неправильная речь»³, – характеризует Преображенского Георгий Векшин.

«Не могу сказать, что он был достаточно оценен в поэтическом круге, хотя принадлежал к центральным движениям независимой московской поэзии»⁴, – сетует Данила Давыдов.

«Как поэт Преображенский начинал в годы максимального московского поэтического кипения восьмидесятых, он знал всех, и все его знали. Но ни с какой из возникших в те годы группировок его идентифицировать невозможно: он всегда был сам по себе, шел своим путем.

---

¹ См., например: «Дойдем до того, что в языке останется три падежа». Газета, №31 (22.11.2001), с.4

² Toronto Slavic Quarterly # 1. URL <http://sites.utoronto.ca/tsq/01/index01.shtml>

³ Векшин Г.В. Смерть как прием// Памяти Сергея Преображенского. URL: <http://www.kultinfo.ru/novosti/2485/>

⁴ Давыдов Д.М. Язык поэта, язык филолога.// Там же

*Наверное, именно поэтому его читали незаслуженно скудно»*⁵, – вторит ему Юрий Орлицкий.

«При советской власти он принадлежал к неподцензурной литературе, начал печататься только в 1990-е», – сообщает Илья Кукулин подписчикам в соцсети.

Все процитированные авторы – далеко не последние люди в современной литературной жизни. Что говорит о том, что стихи Преображенского были все-таки известны и ценимы компетентными читателями. «Широко известен в узких кругах», – шутят о подобных авторах.

Узость круга ценителей отчасти объясняется тем, что, по словам одного молодого поэта, «у него очень сложные стихи – нужно перестроить мозги, чтобы воспринимать их полноценно. Целая наука – понимать его стихи». Ленивый и нелюбопытный читатель «перестраивать мозги», естественно, не захочет. Легче закрыть книжку (или веб-страницу) и произнести что-нибудь вроде: «Архаично».

Но вторая и главная причина верно сформулирована Ю.Орлицким: *«...он действительно стоял с милой родиной на параллельных перронах»⁶ – не на том, где раздавали призы и гранты. И ничуть этим не смущался, зная, что прав»⁷.*

Сергей Преображенский начал сочинять в пятнадцать лет, в возрасте, когда стихи пишут почти все. Неизменной темой первых опытов были, разумеется, «нечто и туманна даль», а поэтика менялась в зависимости от того, чьи стихи – Блока, Гумилева или Хлебникова – были накануне прочитаны. Но даже из этого «ювенильного моря» слов вылавливались строки, врезавшиеся в память тех, кто их читал или слышал:

На Александровского сада

Заиндевелые скамьи

Цветные ноты листопада

Наивной музыкой легли...

Или:

А дети читают Бодлера

Над лужей сухого вина...

Или:

Осиновый трепет, как огненный лист из библейского зева,

Как мокрый лихой ветерок над потухшей рекой.

И в мраморном сне инвалидная белая дева

Терновый венок возлагает на лоб мой отбитой рукой»⁸.

---

⁵ Орлицкий Ю.Б. Его любили// Там же

⁶ Цитата из стихотворения С. Преображенского «Прощанье славянки

⁷ Орлицкий Ю.Б. Цит. соч.

⁸ Это четверостишие С. Преображенский впоследствии вставил в стихотворение 2005 года «Города»

В 1974 году стихи девятнадцатилетнего студента Университета дружбы народов пленили молодых сотрудниц журнала «Смена». Одна из них, Ольга Теслер, вспоминает: «*Решено было "гения" публиковать, кровь из носа. Тогда это было совсем на такое простое дело, как сейчас. Журнал многомиллионный, редколлегия: Нагибин, Юлиан Семенов, братья Вайнеры, Р. Рождественский, Пахмутова и т.д., и т.п. Борьба за каждый см журнальной полосы. Начали мы с моей подругой, тоже оценивший Серезкину мощь, обхаживать зав. отдела поэзии, ну, и пошло-поехало, добились своего, а потом уже нам было глубоко плевать, что там несли на редколлегии про: "Лошади прыгали через полосатый барьер, жокеи спину сгибали, ребристую, как револьвер" или про "корабль, который уходит в синий горизонт, качая колыбель своих надежд"*». И далее: «*...Когда была разборка номера с его стихами, то ли какой-то инструктор из ЦК комсомола, то ли наш глав. ред., которому там накрутили хвост, сказал: "Это что за декадентство такое, это что за Гиппиус, что за Игорь Северянин, за Гумилев?" Мы рассказали Сергею, и он ответил, что для него это самая большая похвала: "вот уж, порадовали"*»⁹.

В «Смене» появилось четыре стихотворения, приведу одно из них, чтобы стало ясно, из-за чего кипятилась редакция, а О.Теслер получила выговор по комсомольской линии:

*Что дождь придет издалика,
Я понял ясно из речений
У ног шуршащего песка
И из танцующих сплетений
Теней: таинственных видений
На белых крыльях мотылька¹⁰.*

Настолько же «неподцензурны» были и остальные стихи.

Если бы этот кулуарный скандал просочился в печать, Преображенского бы, наверное, прочитали. Но критика (что естественно) не откликнулась, к тому же именно с этого номера «Смена» начала печатать (с продолжениями) детективный роман С. Жапризо «Дама в автомобиле». Журнал рвали на части в буквальном смысле: выдирали страницы с детективом, чтобы потом переплести, а остальное выбрасывали, и едва ли многие заметили, что за «стишки» там напечатаны на странице 31...

Следующая публикация (неправы те, кто полагает, будто их совсем не было) появилась только через 9 лет, шесть стихотворений в сборнике «Молодые поэты Москвы», включившем тексты 30 авторов разных возрастов (от 1941 до 1961 года рождения). Редактор (Вадим Кузнецов) отобрал самые нейтральные по содержанию

---

⁹ Из частного письма Ольги Теслер автору данной статьи. Цитируется с разрешения О.Теслер

¹⁰ «Смена» 1974, №17, с.31

стихотворения, описывающие довоенную фотографию, детскую прогулку в парке, стареющего актера и, конечно, смену караула у Вечного огня:

*Привычные к возвышенному шагу,
Они идут, в шинелях, как в броне,
Они идут по направлению к флагу,
Зрочки сосредоточив на огне...¹¹*

Но редакторские ножницы пусть краем, но задели это идеологически «правильное» стихотворение, сделав его еще правильнее. В последних строках:

*И мальчик в варежках, подняв железный прутик
Вытягивается – на караул, –*

слово «железный» было заменено на «блестящий». Надо отдать должное тому, кто это сделал: мрачная тональность стихотворения изменилась на бравурную.

Совсем не повезло стихотворению «Авангард», из которого были попросту злостно выброшены шестая и седьмая строфы. Тут изменилась не тональность, а смысл, причем на прямо противоположный... «Лучше бы не печатали вообще, чем так», – возмущался автор.

На этом история доперестроечных публикаций Преображенского закончилась (если не считать эпизодических появлений – по одному стихотворению – в «Дне поэзии» 1983 года и в журнале «Сельская молодежь»). Правда, была еще попытка выпустить книжку¹²: «В 1985 году прошло обсуждение рукописи книги Преображенского “Светотени” объемом 3 п.л., куда входили стихи и поэма “Свет. Град. Петров”¹³. Эта книга была рекомендована секцией поэзии СП к изданию в “Советском писателе”, но издана не была»¹⁴.

В 1991 году Союз советских писателей развалился надвое (даже натрое, если считать московскую организацию). Преображенского уговаривают: вступай в демократический Союз российских писателей! Все теперь будет по-другому! Сергей получил необходимые рекомендации, даже написал заявление и... не пошел. Как будто чувствовал, что «по-другому» не будет, что «подцензурность» и «неподцензурность» останутся, пусть в другом обличье.

А «kozyрять» при вступлении в Союз ему предлагалось солидной подборкой стихотворений в антологии «Граждане ночи» (1990). Сегодня антологию иначе чем

¹¹ Молодые поэты Москвы. (М.: Молодая гвардия, 1983, с.192).

¹² Тогда Преображенский внял уговорам поэтессы Ольги Чугай, (1944–2015), «литературтрегерская» деятельность которой заслуживает отдельного исследования. О. Чугай руководила литобъединением в УДН им. П. Лумумбы, а с 1977 по 1990 вела «Лабораторию первой книги» при Московской писательской организации. С. Преображенский посещал оба кружка. Его предполагаемое вступление в Союз российских писателей – также инициатива Ольги Олеговны Чугай.

¹³ Правильное название поэмы – «Град.Свет.Петров». Опубликована в сб. «Календа», Харьков : Фолио, 2011.

¹⁴ Постникова О. Рекомендация С Преображенскому в Союз российских писателей. Архив С.Ю.Преображенского

«легендарной» не называют: ведь это было первое серьезное несамиздатовское собрание прежде неподцензурных поэтов, в которую вошли, помимо прочих, стихи И. Жданова, С. Гандлевского, Б. Кенжеева, Н. Искренко, Т. Кибирова, А. Сопровского, А. Штыпеля, И. Иртеньева, А. Цветкова – словом, тех, кого сегодня называют «классиками». Как отмечает Е.Вежлян, *«1990 год – слишком поздно для признания в качестве андеграунда и слишком рано для легализации»*¹⁵. Критик не совсем права: многие авторы к тому времени уже были «легализованы» на страницах журналов (например «Юности»), многих уже на все корки ругала критика и хвалили читатели, начали легально выходить новые журналы и альманахи, образовывались новые объединения – клуб «Поэзия», клуб «Московское время» и другие, в ход пошли новые ярлыки («метаметафористы», «концептуалисты»), литературная жизнь выплеснулась на сценические площадки, в клубы, в библиотеки. Преображенский до поры до времени принимал участие во всеобщем карнавале, но неумение и нежелание ходить строем не позволило ему стать частью какой-либо «обоймы», несмотря на личную дружбу с И. Ждановым, А. Парщиковым, А. Сопровским, А. Штыпелем. А когда о себе заявило новое поколение поэтов и критиков, молодых и по-юношески агрессивных, он не принял ни их поэзии, ни идеологии (за что и они не приняли его). И, хотя не перестал писать стихи, отошел от литературной среды, предпочтя ей университетскую. *«Литература — это лекция, улица; филология — университетский семинарий, семья»*¹⁶, – писал Мандельштам в начале 20-х. «Улицы» в этом понимании Преображенский не терпел. Он вновь появился там только в 1997 году, выпустив наконец книжку стихов «Мы жили в Москве». Некоторые критики – из тех самых, молодых и агрессивных, ее заметили и снисходительно похлопали автора по плечу.

Два следующих сборника – «0-1» (2001) и «Календу» (2011) – Преображенский запретил выставлять на продажу. Только раздаривал тем, кто, как он считал, поймет и оценит. Таких нашлось немало – и среди них не только филологи и «задержавшаяся в 80-х» старая гвардия, но и совсем молодые люди – студенты, поэты, которым для осмысления жизни эти стихи оказались необходимы.

«Когда человек умирает, изменяются его портреты», – как часто мы цитируем эти ахматовские строчки. А изменяются ли стихи? Едва ли. Просто читатель – если он действительно читатель стихов – наконец их прочитывает.

---

¹⁵ Вежлян Е. Встретившие рассвет. // "НГ ЕХ LIBRIS", 30 ноября 2006 г.

¹⁶ Мандельштам. О. О природе слова. // О.Э.Мандельштам. Соч. в 2-х тт. М.:Худ.лит., 1990, с. 178

Сергей Преображенский

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Сергей-воробей

Если правду сказать,
Я по крови ночной воробей –
То ли ветер возьмет в оборот,
То ль мороз проберет до костей,
Но за правду мое воробьиное сердце стучит,
И меня от невзгод
Защитит
Эвфемический щит.
Я в заветное слово вжимаюсь
Пернатым комком,
Я по белому свету скачу
Лапчатым босиком.
И с налета клюю
Рассыпное зерно –
Стрекочу,
На петлю неподатлив,
Но лунному веря лучу.
Отраженному свету
Поверив без всяких причин,
Жизнь я мерю шагами
Взаправдашних, взрослых мужчин.
2000

* * *

О чем теперь писать? Об этих двухнедельных
Туда-сюда эскортах по главному шоссе?
О шляпах до бровей, об официальных бельмах
Сплошной водянки лиц на первой полосе?

И красноармеец багряно-тугой
Ему угрожает штыком и ногой.

«Художники – это орудие масс.
Для масс наступает решающий час», –
Подумал в квадратном роллс-ройсе главком,
Стреляя в плакат золоченым зрачком.

Спускается сверху орудие масс –
Живущий под крышей студент ВХУТЕМАС.
Дымит самокруткой, под мышкой зажат
С зубастым Деникиным новый плакат.

Веселые буквы горят на стене.
У дворника в полуподвальном окне
Меж пальцев горит восковая свеча,
И крестится дочка, молитву шепча.

Он в темном подвале – как в светлом раю,
Всю жизнь расчищавший дорожку твою.
Он образ покоит на мертвой груди
И вилит из гроба твое «впереди».

Республика дышит, и пульс ее чист.
С плакатом торопится авангардист.
И смертный оскал миллионов
Рисует художник Филонов.

1982

* * *

Эпоха в эпоху таскает пожитки –
И факельным блеском по кафельной плитке
Размазан проезд многоклеточных фар.
Мелькает, бледнее чем зимний картофель,
За дымным стеклом заторможенный профиль

И гаснет цветной замороженный пар.
И кажется – вырвутся пьяные сани –
Сиятельный шут в голубом доломане
Раскрашенной пробкою рожей сверкнет.
За ним удалые его компаньоны
В личинах и шапках, в усах и коронах,
И в голосе – холод, и в возгласах – лед.
Зачем ледяное веселье сверкает,
И холод под шубою сердце сжимает,
И воздух морозной струею звенит,
Куда направляется святочной тени
Проезд театральный по жизненной сцене,
И кто это текст подсказать норовит?
Застуженный скрип поворотного круга.
Куда мы летим, обгоняя друг друга,
Покуда дрожит непролившийся свет,
Еще допускающий вечные тени
По карте великого оледененья
Вести круговой непрерывавшийся след.
1983

Близнецы

В черном воздухе яблоки белы.
Глянцевито-мертва их растительная белизна.
Под созвездьем двойным –
двуязычны,
двусмысленны
и двуумелы –
Мы, двойные – и миру, и сами себе зеркала.
В нас брожение яблочных соков.
И отблеск небесных свечений.
Мы врастаем в растительный мир, обоюдоостры.
Мы белы и черны –
по поверхности нашей зеркальной
великие тени

пробегают. И, беглые – черные в белом –
мы ловим следы.
Но уже угасают холодные угли небесных урочищ.
На меже дня и ночи смыкаются мира крыла,
И вселенная, падая птицей, сжимаясь в комочек,
Разбивает
и миру, и сами себе
Зеркала.
1977

* * *

Русские мальчики львами...

В.Хлебников

Вприкуску с пивом пороша,
Матерок и скрипенье кож.
Круг завидный, и вправду хороший,
Мизераблей и книгонош.
Это честных трагедий пена,
В ночь, как волк, орущая боль,
Кто вам даст настоящую цену,
Городского асфальта соль?
Свой глоток окаянной свободы –
Косячок, разряженный на треть, –
Унесете под вечные своды,
Не умея стареть и умнеть.
Как вам хочется жить без обмана,
Как легко расставаться с собой,
И какие еще горлопаны
Вас возглавят на праведный бой?
2003

* * *

В кухне плоский шорох тараканов,

Неизменный горький запах табака;
И с прогулки так еще румяна
Эта нежная прохладная щека.
Размежёвки коридора тоже горьки
На босяцкий, на Хитровский лад –
Ладаном надышанные полки
Бабками лет семьдесят назад.
Две твои прижитые дочурки,
Пепел в битой чашке через край,
Путаные наши переулки
Да извечный выкрик: «Догоняй!»
2014

И всё

Стынет подледное ухо,
Где дотлевают сверчок.

Меченный белым пухом
На смоляной бочок,
На коломяный коврик,
На половичный стан,
На ледящий поморок,
На море-окиян,
Он, по доске прошедший,
твердый тyani-толкай,
Рогий, двоякоплечий,
Лег: века вековой.
2006